

ОЛЕГ ТИТОВ

Чужая жизнь под Горой

16+

Олег Титов

Чужая жизнь под Горой

<https://litres.ru/74618088>

SelfPub; 2026

Аннотация

После аварии автомеханик Алексей Соколов приходит в себя в теле гнома Берина. Теперь они слышат друг друга, спорят за каждое движение и делят одну жизнь. Алексей хочет вернуться домой. Берин — защитить семью и город под Горой.

Этот мир кажется Алексею знакомым по любимой книге. Он помнит имена, события и судьбы героев, но первые же попытки воспользоваться этим знанием приводят к опасным ошибкам.

К городу приближается войско. Переправы становятся ловушками, подземные ходы рушатся, а вода решает, кто переживёт осаду. Двум мастерам в одном теле предстоит чинить сломанное, спасать людей и отвечать за собственные решения.

А дорогу домой Алексей будет искать вместе с человеком, чью жизнь он невольно занял.

Содержание

Глава 1 Снег на встречной	4
Глава 2 Каменная постель	15
Глава 3 Две руки одного мастера	27
Глава 4 Место, которого нет на карте	38
Глава 5 Хлеб для Тальма	49
Глава 6 Пленная карта	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Олег Титов

Чужая жизнь под Горой

Глава 1 Снег на встречной

Книгу Алексей купил вместо зимних ботинок.

Ботинки ещё держались, если не наступать в лужи, а двухтомник «Девять переправ до оттепели» в серой обложке лежал в букинистическом магазине всего один. На форзаце кто-то аккуратно вывел карандашом: «Вернуть после похода». Подписи не было. Алексей провёл пальцем по словам и положил книгу на прилавок.

— У вас дома места ещё остались? — спросила продавщица.

— Для ботинок остались.

Она засмеялась, хотя он почти не шутил.

В его однокомнатной квартире в Нижнем Новгороде книги стояли вдоль стен, лежали под кроватью и занимали половину кухонного стола. Алексей читал всё: романы о мореплавателях, сборники фантастики, воспоминания врачей, старые пособия по устройству мельниц. Иногда купленная за двадцать рублей брошюра помогала найти неисправность быстрее, чем инструкция к современному станку. Иногда от книги оставалось только ощущение, что за собственной жиз-

нюю скрывается ещё одна, до которой можно дотянуться.

В тридцать два года он ремонтировал электрику в небольшом автосервисе, умел слушать людей, когда они объясняли поломку неверными словами, и совершенно не умел вовремя ложиться спать.

Утром, до похода в букинистический магазин, сервис открылся раньше обычного. Возле ворот ждала женщина на стареньком фургоне. Она привезла хлеб в три магазина и заглушила двигатель только возле четвёртого. После этого машина отказалась ехать. Женщина говорила так быстро, будто остановившееся время приходилось возмещать словами.

Алексей оставил сумку на стуле, надел рабочую куртку и выслушал рассказ до конца. Павел уже снял крышку с блока предохранителей.

— Сейчас найдём, — сказал он женщине.

Алексей знал эту его уверенность. Сам он никогда не обещал «сейчас». Сначала спрашивал, что произошло перед поломкой, потом смотрел, потом возвращался к первому вопросу. Павел сердился на медлительность, но оставлял ему машины, которые другие мастера советовали менять целиком.

Водительница сказала, что вчера возле педалей пролили чай. Муж вытер, и всё работало. Алексей присел, отогнул край коврика и увидел зелёный налёт на соединении. До настоящей неисправности оставалось несколько движений пальцами.

— Вот ты где, — сказал он проводу.

— С людьми бы так разговаривал, — заметил Павел.

Женщина уехала через сорок минут, оставив на верстаке пакет с двумя булками. За работу заплатила полностью. Булки, пояснила она, предназначались отдельно: за то, что не заставили покупать новую машину.

Алексей ел свою, стоя у окна. Напротив раскрыл ворота соседний бокс; оттуда выкатили автомобиль с разобраным бампером. Двор был обычным, тесным, со старым снегом возле бетонного забора. К полудню здесь снова будут ругаться из-за места для разворота. Потом приедет человек, которому нужно всё немедленно, и удивится, что немедленно бывает дороже.

В таких днях Алексей хорошо разбирался. Он знал, куда наступить, чтобы не попасть в масляную лужу, кто попросит скидку ещё до знакомства и какой звонок лучше принять самому. Иногда именно это его утомляло: возможность угадать вечер по первым утренним звукам.

В пятнадцать лет ему казалось, что взрослому человеку обязательно предстоит большое путешествие. Не отпуск с заранее купленным обратным билетом, а дорога, на которой он обнаружит, какой он на самом деле. Книжки не объясняли, что между желанием и дорогой могут поместиться аренда помещения, больная спина напарника и необходимость ехать за подъёмником вместо того, чтобы оставить всё и уйти.

Он не обижался на жизнь. Просто иногда смотрел в окно

дольше, чем требовалось.

Павел подошёл с двумя листами.

— Смету посмотри. Если купим новый, до осени будем есть из твоих книг.

— Они невкусные.

— Поэтому проверяй внимательно.

Подъёмник на складе был не новым. Его сняли из мастерской, которая закрылась. Алексей нашёл в объявлении фотографию направляющей и попросил увеличить. На ней виднелась царапина. Продавец уверял, что царапина старая и ни на что не влияет.

— Может, и не влияет, — сказал Алексей. — Но посмотреть нужно.

— Мы за ним для этого и едем.

Павел положил смету рядом с булкой. Потом, помедлив, спросил:

— Ты по воскресеньям опять никуда не выходишь?

— Выходил. В магазин.

— В книжный?

Алексей не ответил. Павел рассмеялся и убрал листы.

Они были знакомы со времени технического училища. На первом курсе Павел попробовал собрать радиоприёмник по схеме, которую не понял, и принёс Алексею целую коробку деталей. Алексей вместо объяснения дал ему книгу. На следующий день Павел вернул её с закладками и сказал, что теперь понял схему, зато не понимает, зачем автору понадоби-

лось сто двадцать страниц до неё.

С тех пор один искал ответ на полке, другой проверял, будет ли ответ работать на верстаке. Иногда они менялись местами. Об этих случаях каждый помнил подробнее, чем о своих удачах.

В обед Алексей пошёл за сметаной и свернул к букинисту. Сметану он собирался купить на обратном пути. Серая обложка изменила маршрут, а потом и все мысли о нём.

Роман Никандра Вереса он впервые прочёл подростком. Писатель рассказывал о счётице Энне, которая везла через воюющие города книги долгов и пыталась вернуть людям заложённые дома. Алексей тогда пропускал споры о расписках ради опасных переправ. Позже заметил, что именно в этих спорах решалось, кого завтра накормят и чья лодка уйдёт пустой.

Однажды Марина спросила, почему он возвращается к одному и тому же, если уже знает конец.

— Потому что теперь понимаю других, — ответил он.

Сестра посмотрела на потрёпанную книгу и сказала, что это похоже на семейные фотографии: люди стоят как раньше, а замечаешь каждый раз кого-то нового.

Сейчас он вспомнил её слова. Новый двухтомник был в хорошем состоянии, но страницы раскрывались легче в нескольких местах. Кто-то до него тоже перечитывал выборочно. На последних листах лежала закладка из тонкого картона, потемневшая у одного края. Алексей не стал вынимать

её. Ему показалось невежливым сразу разрушать чужой порядок.

Он спрятал покупку под куртку и вернулся к машине. Сметана осталась в магазине, ботинки — на следующую зарплату. До вечера было ещё далеко.

Павел Лазарев ждал его у машины.

— Опять про гномов?

— Там и люди есть.

— Вот их и пожалей. Они тебе завтра проводку привезут. А ты опять будешь с глазами красными.

Алексей показал форзац.

— Смотри. «Вернуть после похода». Интересно, куда человек ходил.

— В соседний подъезд. И не вернул. Самая правдоподобная фантастика.

Павел был на два года старше, держал вместе с Алексеем сервис и считал, что хорошая история обязана помещаться между двумя светофорами. При этом всякий раз, когда Алексей начинал рассказывать о прочитанном, радио в машине выключалось.

Они ехали забрать со склада подъёмный механизм для мастерской. За городом снег становился гуще. Дворники стягивали его в мокрые валики по краям стекла. Павел сбросил скорость, пропустил автобус и пожаловался, что нижегородская весна требует письменного приглашения.

На экране телефона высветилась Марина.

Алексей включил громкую связь.

— Ты ел? — спросила сестра.

— Начала сразу с трудного.

— Значит, нет. Вечером зайди. Борщ в кастрюле, сметану купи сам.

Марина Соколова работала фельдшером на скорой. Ей было тридцать семь, и разговаривала она с младшим братом так, словно тот до сих пор мог зимой выйти из дома без шапки. Что, впрочем, случалось.

— Зайду, — сказал Алексей. — У меня для тебя книга.

— Лучше контейнер из прошлого раза верни.

Он хотел ответить, но Павел перестал улыбаться.

Впереди, за грузовиком, боком двигалась легковая машина. Её задняя часть медленно вышла на встречную полосу. В этом движении было что-то невозможное: слишком плавное начало и слишком маленькое расстояние, чтобы оно успело закончиться.

Павел нажал на тормоз. Машину повело к обочине. Алексей услышал, как шины заскребли по снежной каше, и увидел в другом салоне детское кресло.

— Паш, вправо!

Руль уже поворачивался.

Удар пришёлся справа. Ремень сдавил грудь, подушка раскрылась белым кулаком. Серую книгу подбросило к потолку. Алексей успел заметить, как между страницами мелькнула старая картонная закладка, и почему-то именно

она показалась ему самым страшным: вещь, спокойно пролежавшая в чужих руках десятки лет, вдруг оказалась в воздухе, где ничего больше не подчинялось привычным правилам.

Потом дверь ударилась о столб.

Он видел снег сквозь разбитое стекло. Из телефона говорила Марина. Голос стал далёким, но слова оставались отчётливыми.

— Лёша? Павел? Ответьте.

Алексей хотел сказать, что слышит. Хотел попросить не приезжать сюда одной. Хотел сообщить, что ребёнок в другой машине двигался.

Воздуха для слова не хватило.

Кто-то держал его за плечо. Павел повторял: «Смотри на меня». Алексей смотрел, но лицо друга распадалось на светлые пятна. Между ними появлялись другие лица — широкие, бородатые, незнакомые.

На какую-то долю секунды он услышал совсем близко:

— Не трогайте стойку. Она держит свод.

Затем сверху посыпались камни.

* * *

Марина приехала в больницу в форменной куртке. Снег на плечах растаял, оставив тёмные пятна. Её встретил врач, которого она знала по работе, и от этого встреча стала тяжелее: он не пытался говорить успокаивающим голосом.

Павел сидел на скамейке, прижимая к груди загипсован-

ную руку. Когда увидел Марину, поднялся слишком быстро и схватился за стену.

— Я не смотрел в телефон, — сказал он. — Я ехал медленно. Я видел её, но там ребёнок, я...

— Сядь.

— Я вытащил его. Лёшу вытащил, когда дверь разрезали. Он ещё дышал.

Марина положила руку ему на затылок. Несколько секунд они молчали.

Алексей лежал за дверью реанимации. Его организм пережил удар, но сознание не возвращалось.

До разрешённого посещения Марина успела дважды дойти до окна в конце коридора. Оттуда был виден двор: служебная машина, голые кусты и человек, который медленно сгребал снег к ограде. Она запомнила его красные рукавицы. Когда разговор с врачом закончился, человек всё ещё стоял у того же куста. Миру хватало терпения на мелкие дела, и это казалось почти оскорбительным.

Павел предложил принести кофе. Она отказалась. Он всё равно ушёл и вернулся с двумя стаканами, но поставил их под скамейку, не открывая крышек.

— Женщина из другой машины здесь, — сказал он. — Мне сказали, мальчик разговаривает.

Марина кивнула. Это была хорошая весть, которую сейчас трудно было вместить.

— Ты сообщил своим?

— Маме. Сказал, рука сломана.

— А остальное?

— Остальное скажу, когда узнаю.

В этом ответе она услышала собственную мысль. Ей хотелось найти точку, до которой всё случившееся ещё можно было исправить одним звонком. Назвать фамилию, объяснить, что произошла ошибка, попросить вернуть брата до столкновения. Она работала с чужой бедой много лет и знала, что такой точки нет. Знание не помогало её не искать.

Павел осторожно достал из кармана телефон Алексея. Корпус был расколот, экран держался на тёмных трещинах.

— Ты там осталась, — произнёс он. — Я слышал, как ты говорила. Не мог ответить. Они дверь резали, а я держал...

Он остановился и передал телефон. Марина накрыла его ладонью, как если бы внутри действительно оставался её голос, напуганный и слишком громкий.

— Ты был с ним, — сказала она. — Это я поняла.

Павел отвернулся. Дольше они об аварии в тот вечер не говорили. Обсудили, кому открыть сервис, где лежат запасные ключи и кто накормит кота соседки, которому Алексей обещал давать корм три дня. Павел записал адрес. Простые поручения ненадолго сделали его движения увереннее.

Когда Марину наконец позвали, она встала и обнаружила, что не может разжать ладонь. Телефон оставил на коже прямоугольный след.

Она передала его Павлу.

— Сохрани. Он ещё будет ругаться, что мы новый купили не тот.

Павел кивнул с таким облегчением, будто она назначила ему дело важнее ремонта машины.

Марина вошла к нему только вечером. На соседнем стуле стоял пакет с вещами. Серая книга была влажной, угол обложки смяло. Она раскрыла её, увидела карандашную надпись и заплакала впервые за день.

Потом вытерла лицо, села ближе и взяла брата за руку.

— Контейнер всё равно вернёшь, — сказала она.

Аппарат ответил равномерным звуком.

Алексей услышал его. Но звук шёл из кузницы, находившейся глубоко под землёй.

Глава 2 Каменная постель

Первое, что он почувствовал, — тяжесть бороды.

Она лежала на груди тёплым жёстким комком. Алексей попытался убрать её и увидел кисть: короткие пальцы, широкая ладонь, тёмная полоса под ногтями. На среднем пальце белел старый рубец. У него такого рубца никогда не было.

Он дёрнулся, и в затылке взорвалась боль.

— Лежи, дурак, — произнёс кто-то справа.

На табурете сидел бородатый старик. Слово «старик» плохо подходило к человеку, чьи предплечья были толще Алексеевых икр. У незнакомца не хватало левой брови, а борода, перевитая медной проволокой, доходила до пояса.

— Паш? — прошептал Алексей.

Старик нахмурился.

— Что?

— Где Павел?

— Здесь только Торви. Если и это забыл, придётся знакомиться заново.

Алексей посмотрел на потолок. Каменные блоки сходились в низкий свод. В стене горела лампа. За дверью звенел металл, и слышались шаги, тяжёлые, уверенные. Пахло мокрой шерстью, горькой мазью и угольным дымом.

«Сон», — подумал он.

— Неприятный, — произнёс вслух.

— Тебя трое суток из него тащили, — сказал Торви. — Мог бы для начала поблагодарить.

Старик подал кружку. Алексей взял её двумя руками, сделал глоток и едва не подавился. Вода была настоящей. Холодной. С металлическим привкусом.

Он попытался проснуться так, как раньше просыпался от дурных снов: задержал дыхание, зажмурился, мысленно пошевелил пальцами ног. Ничего не изменилось. Только Торви отнял кружку.

— Если тошнит, говори. Не геройствуй на постели.

В дверях появилась женщина. Или девушка. Возраст определить было трудно: ростом она едва доходила до груди обычного человека, но широкие плечи и тяжёлые рабочие ладони совсем не напоминали детские. Рыжие волосы были разделены на две тугие косы. На кожаном переднике темнело круглое пятно.

Она остановилась.

— Берин?

Имя отозвалось где-то внутри. Алексей почувствовал радость, мгновенную и чужую, как тепло от открытой печи. Он хотел сказать, что она ошиблась, но рот произнёс:

— Вигдис.

Женщина присела на край постели и взяла его лицо в ладони.

— Посмотри на меня.

Он посмотрел. Её левый глаз был чуть светлее правого.

Это почему-то казалось давно известным.

— Что ты сделал с ним? — спросила она Торви.

— Вытащил. Было бы полезно, если бы он сам объяснил, что случилось.

Алексей провёл рукой по щеке. Пальцы наткнулись на повязку, дальше — на густые волосы. Он опустил взгляд. Короткие ноги под одеялом, широкая грудь, перевязанное предплечье. Тело напоминало человека, которого сжали сверху и снизу, сохранив всю силу.

— Мне нужно зеркало.

Торви и Вигдис переглянулись.

Зеркало принесли через несколько минут. Это был полированный стальной круг с деревянной ручкой. Отражение смотрело на Алексея тёмными глазами. Сплюснутый нос, густые брови, каштановая борода. На виске — жёлтый след ушиба. Лицо незнакомца.

И всё же в глубине этих глаз мелькнул испуг, который принадлежал не Алексею.

«Не говори ей».

Он опустил зеркало.

Голос не прозвучал в комнате. Он возник там, где обычно появляется собственная мысль, но не был его мыслью.

«Кто ты?»

Алексей прижал ладони к ушам.

Вигдис тут же отняла его правую руку.

— Шов разойдётся. Что болит?

— Всё, — сказал он.

Она приняла ответ. Торви не принял.

— Когда свод просел, — тихо произнёс старик, — ты говорил на языке, которого я не знаю. А потом звал какого-то Пашу. Кто это?

Алексей начал отвечать и вдруг понял странную вещь. Он слышал русские слова, но движения рта у Торви не совпадали с ними. Собственный язык касался нёба непривычно. На короткое мгновение смысл исчез, и старик заговорил чужими звуками. Потом понимание вернулось.

«Я слышу за тебя», — сообщил голос.

— Я ударился головой, — выговорил Алексей.

— Это мы заметили, — сказала Вигдис.

Торви принёс невысокий столик и поставил на него таз. Вигдис намочила ткань. Алексей попытался отодвинуться, когда она потянулась к его бороде, и почувствовал чужое недовольство ещё раньше, чем успел придумать собственное.

«Не дёргайся. Она просто уберёт кровь».

Он замер. Женщина работала осторожно, придерживая пряди ближе к коже. В Москве, подумал Алексей, в какой-нибудь клинике это всё легко было бы объяснить декорациями. Но здесь ткань пахла плохо высушенным льном, ноготь у Вигдис был надломлен, а на столике стояла миска с трещиной, которую скрепили тонкими металлическими скобами. Никто не строил мир целиком ради его удивления.

— Ты потерял застёжку, — сказала она. — С нижнего конца. Я искала среди вещей.

Алексей посмотрел на бороду. Там виднелась светлая полоса, словно волоски привыкли лежать иначе.

«Отец сделал», — пришла чужая мысль.

Радость от узнавания женщины прежде принадлежала Берину. Теперь ему же принадлежала острая досада из-за мелкой пропажи. Алексей не захотел произносить её вслух: боялся присвоить ещё что-то.

— Найдём другую, — ответил он.

Вигдис остановилась.

— Другую?

Торви посмотрел на него поверх кружки.

— Пока он плохо соображает, — сказал старик. — Не заставляй его выбирать.

Она продолжила работу, но движения стали короче. Алексей понял, что ответил неправильно. Не потому, что застёжку невозможно было заменить. Потому, что Берин никогда не сказал бы об этой вещи таким голосом.

«Прости», — подумал он.

«Ей скажи».

— Я сказал глупость, — произнёс Алексей. — Не другую. Эту надо искать.

Вигдис опустила ткань и выдохнула. Видимо, небольшая знакомая упрямоть сейчас успокаивала её сильнее разумного ответа.

Торви попросил пошевелить пальцами по одному. На правой руке это получилось медленно. На левой — сразу. Алексей смотрел на широкие суставы и пытался вспомнить, какие из его собственных пальцев удерживали паяльник. Вспомнилось движение, но новая кисть исполняла его иначе. Даже привычка обхватить кружку становилась задачей.

— Где моя одежда?

Старик указал на стул. Там лежала рубаха с разрезанным рукавом, плотные штаны и два тяжёлых ботинка. На одном ещё держалась мокрая глина.

— Не для сегодняшнего выхода, — добавил Торви. — Если хочешь встать, сначала скажи.

— Я не собирался.

«Собирался», — возразил голос.

Алексей почти повернулся, чтобы ответить. Пришлось остановить голову на середине движения. Вигдис решила, что ему неудобна подушка, и подложила под неё свёрнутое покрывало.

Он лежал в комнате, которую другой человек считал своей, и принимал заботу, предназначенную этому человеку. От этого становилось стыдно, хотя выбора пока не было.

По стенам висели рабочие вещи: пояс, связка коротких щупов, деревянный угольник. На полке стоял маленький каменный зверь с отколотой лапой. Алексей подумал, что это медведь, и почувствовал немедленное возражение.

«Барсук».

Почему-то именно это простое слово напугало сильнее зеркала. Если чужой голос замечал его ошибку, значит, он существовал независимо от того, куда смотрел Алексей. Голос мог ждать, злиться, знать больше, помнить собственные вещи. Этот голос нельзя было принять за эхо разговора.

— У вас здесь темно, — сказал Алексей, только чтобы не оставаться с мыслью один.

— Здесь ты обычно спишь, — ответила Вигдис. — Для света есть другие места.

Торви оставил у постели кусок хлеба и запретил вставать до следующего прихода лекаря. Женщина задержалась. Поправила край одеяла, убрала с бороды засохшую травинку и коснулась его лба губами.

— Больше не смей спускаться один.

Дверь закрылась.

Алексей долго слушал шаги. Потом, не двигая губами, произнёс:

«Меня зовут Алексей Соколов. Я живу в России. Наверное, сейчас лежу в больнице».

Молчание длилось так долго, что он решил: голос был последствием удара.

Но чужая мысль вернулась.

«Я Берин, сын Хальди. Это моя постель. Моя сестра. Мои руки».

Алексей посмотрел на ладони.

«Я не знаю, как оказался здесь».

«Тогда узнай. И уходи».

Он не смог возразить.

Он попробовал продолжить разговор без слов. Не кричать внутрь головы, а просто сформулировать вопрос и ждать. Это оказалось похоже на письмо, которое некуда опустить.

«Ты тоже всё видишь?»

«Глазами. Чем ещё?»

«Я не знаю. Я никогда не был... здесь».

Берин несколько мгновений молчал. Алексей ощущал его не как собеседника у соседней стены, а как сопротивление внутри каждого собственного движения. Нельзя было повернуться от него спиной.

«Не трогай руки», — приказал гном.

Алексей посмотрел на ладони и перестал пытаться шевелить ими. Левая кисть поднялась без его участия. Пальцы сжали край покрывала, потянули к груди, отпустили. Потом Берин повернул голову. На это короткое движение у хозяина ушло столько сил, что Алексей почувствовал усталость в зубах и шее.

«Видишь?»

«Да».

«Постель моя. Я могу двигаться».

Он не хвастался. Доказывал это себе. Алексей узнал в чужом страхе собственный: если тело не слушается, граница человека становится слишком зыбкой.

«Я не хочу отбирать», — подумал он.

«Уже здесь».

Над кроватью проходила тонкая трещина. Лампа освещала только её начало. Алексей выбрал это место, чтобы не смотреть на чужие вещи, и начал вспоминать дорогу. Продавщицу, пакет, мокрый снег на лобовом стекле. Хотел проверить, не мог ли он просто заснуть после удара и увидеть всё это. Но воспоминания не становились менее настоящими от проверки.

«Что такое машина?» — спросил Берин.

Алексей не произносил слова. Он только представил руль и ладонь Павла на нём.

«Ты слышишь всё, о чём я думаю?»

«Не всё. Иногда вижу. Как будто смотрю в чужой двор через дверь».

«Закреть можешь?»

«Ты закрой».

Алексей попытался. Вместо машины вспомнил рабочий стол. Вместо Павла — красную рукоятку отвёртки. Берин раздражённо заметил, что новое изображение не лучше прежнего. Тогда Алексей представил пустую стену и удерживал её до тех пор, пока не обнаружил, что перестал замечать лампу.

В этот момент пришло другое ощущение: он больше не хотел выпрямить длинные ноги, которых здесь не было. На несколько секунд совпал с тяжёлым телом, лежавшим на постели, и это совпадение было опасно приятным.

«Нет», — сказал Берин.

Алексей отпустил выдуманную стену. Комната вернулась.

«Что я сделал?»

«Стало тесно».

Они помолчали. Потом гном осторожно повернул кисть ладонью вверх и указал пальцем на старый рубец.

«Этот я получил не на работе. Резал косточку. Вигдис сказала, что нож тупой. Я сказал, что ей нужно следить за своим ножом».

Алексей понял, зачем ему рассказывают. У тела была история. Даже маленькая белая линия объясняла её лучше зеркала.

«У меня на колене шрам, — сообщил он. — В детстве упал с велосипеда. Сестра тащила меня домой, а я просил не говорить маме».

Берин словно прислушался к незнакомому слову.

«Велосипед — тоже машина?»

«Меньше. Без лошади. Сам крутишь».

«Глупая повозка».

Алексей неожиданно захотел смеяться. Но смех упёрся в чужие больные рёбра и исчез.

«Наверное».

Из коридора донёсся шум передвигаемого ящика. Берин узнал его раньше, чем Алексей успел удивиться: Вигдис складывала инструменты возле дверей. Она делала это после каждой смены, хотя Торви говорил, что однажды ночью кто-

нибудь сломает шею. Знакомое неудобство помогло гному удержаться в себе.

Алексей подумал о своей квартире. Ключ остался в кармане куртки. Кто-нибудь найдёт его, откроет дверь, увидит недопитый чай и стопку книг на стуле. Что они будут делать с вещами, если он не вернётся? Эта мысль заставила его потянуться к воспоминанию сильнее, чем следовало.

Он искал хотя бы один настоящий звук из своего мира.

Вигдис вернулась за лампой. Оказалось, возле соседнего верстака погас огонь, а здесь света было достаточно от второй. Она сняла светильник с крюка и посмотрела на брата.

— Тебе оставить?

Алексей не успел решить. Берин качнул головой сам. Сестра забрала лампу, привычно заслонив пламя ладонью. На потолке осталось другое пятно света, ниже прежнего.

Гость заметил, что за её движением следил без перевода. Руку возле огня, наклон головы, осторожность на пороге понимал сразу. Слова в этом доме требовали помощи, а самые простые действия были знакомыми.

Он хотел объяснить это Берину, но услышал, как в соседней комнате сестра поставила лампу. Кто-то попросил подвинуть ещё немного. Вигдис ответила коротко и сердито. Берин знал причину: Торви не закончил работу, хотя обещал лечь раньше.

Алексей позволил звукам пройти мимо. Сейчас каждый из них возвращал хозяину что-то, чего гость прежде не слы-

шал.

За стеной снова ударил молот. Свет лампы дрогнул, и в этом колебании Алексей увидел мокрое автомобильное стекло. Возле стекла было лицо Павла. Алексей потянулся к нему мысленно, как тянутся за человеком, падающим с края платформы.

Видение погасло. В затылке вспыхнула боль. Пальцы стиснули одеяло так сильно, что лопнул шов.

«Не делай этого», — сказал Берин.

Теперь в его голосе звучал страх.

«Ты тянешь меня вместе с собой».

Глава 3 Две руки одного мастера

На второй день Алексей упал с постели.

Не потому, что решил бежать. Он всего лишь хотел дойти до двери. Тело оказалось тяжелее ожидаемого, шаг — короче, а ноги начали движение прежде, чем он успел понять, где находится центр тяжести.

Берин выругался. Значение ругательства Алексей не разобрал, но настроение уловил прекрасно.

«Стой шире. Колени не запирай».

С помощью табурета он поднялся.

«Ты можешь двигаться сам?»

«Могу. Ты мешаешь».

Алексей перестал командовать телу и попробовал наблюдать. Это было труднее, чем казалось. Стоило испугаться, пальцы снова цеплялись за дверной косяк. Но постепенно появилась возможность отступить на шаг — не физически, а внутри. Берин дошёл до скамьи, сел и взял лежавший на ней ремень.

Пальцы проделали несколько быстрых движений. Пряжка открылась. Две пересохшие полосы кожи разошлись, и между ними обнаружилась трещина.

«Ремень плохой», — подумал Алексей.

«Ремень мой. Четыре года держал».

«У нас вещи тоже ломаются в самое подходящее время».

На этот раз ответом стало что-то похожее на смешок.

До прихода старика они учились стоять.

Берин просил не думать о шагах. Алексей послушно думал о чём угодно другом и каждый раз обнаруживал, что тело всё равно качается. Слишком долго он управлял собственными ногами, чтобы за одно утро превратить их в чужую работу.

Гном выбрал простой способ: положил на пол два ботинка и велел смотреть на них. Пока Алексей разглядывал потёртые носки, Берин дошёл до стены. Обратного гость решил помочь. Правое колено сразу ударилось о табурет.

«Вот это ты называешь помощью».

«Я только хотел развернуться».

«Я уже разворачивался».

Боль досталась обоим. Алексей не смог хотя бы этим расплатиться отдельно.

Они сели и долго молчали, прислушиваясь к шуму за дверью. Внизу что-то катили по камню. С другого конца коридора позвали Вигдис. Она отозвалась коротко и сердито. Берин улыбнулся её голосу. Алексей почувствовал улыбку раньше, чем понял причину.

«Она всегда так отвечает?»

«Когда её зовут вместо того, чтобы прийти».

«Марина тоже».

На этот раз имя собственной сестры удалось вспомнить без падения в другой мир. Берин заметил это и перестал то-

ропиться с новой попыткой.

Алексей предложил считать шаги вслух. Сам он будет следить за счётом, а гном — за ногами. Русские числительные здесь прозвучали бы подозрительно, поэтому он произносил их только внутри. На «четыре» Берин дошёл до стены. На «восемь» вернулся. Алексей почувствовал, что впервые закончили общую задачу, не вырвав её друг у друга.

«Теперь не считай. Просто запомни».

Получилось не сразу. Зато после третьей попытки они уже не ударились о табурет.

На стене возле постели висел рабочий пояс. Берин попросил достать его. Алексей ожидал почувствовать привычное движение, как с застёжкой, но гном долго перебирал инструменты. Здесь отсутствовало что-то маленькое и важное.

«Тонкий шуп. Я оставил его внизу».

От этого «внизу» в памяти возникли мокрые камни. Алексей приготовился отступить, однако Берин удержал изображение сам. Увидел шуп на краю деревянной опоры, чью-то ладонь у лампы, полосу чистой древесины. Потом всё исчезло.

«Не ходи туда без меня», — сказал гость.

«Я и так без тебя не могу».

Они оба слышали, насколько жестоко получилось. Алексей не стал объяснять, что имел в виду другое. Передвинул табурет, чтобы он больше не мешал дороге к двери, и оставил пояс на краю постели.

Когда пришёл Торви, Берин самостоятельно прошёл до постели и обратно. Старик осмотрел его походку, пощупал шею и наконец разрешил выйти в коридор.

Так Алексей впервые увидел Гору.

Он знал горы снаружи: на фотографиях, в отпускных автобусах, в книгах. Здесь же гора окружала его со всех сторон и была жилым местом. Над рядами дверей тянулись галереи. В широком проходе двигались тележки; лошади тащили их медленно, пригибая головы. У стены сидели двое мальчишек и перебирали железные заклёпки. Пожилая женщина бранила носильщика, который поставил мокрый мешок на сухие доски. Всё было занято работой.

В конце коридора шумела вода.

Берин остановился.

В глубине большого зала вращалось колесо. Поток падал на лопасти, приводил в движение вал и уходил в каменный лоток. От вала через деревянные передачи работали мехи. Вдоль стены были устроены меньшие водоводы. Один питал кухню, другой уходил ниже.

Алексей заметил, что крайняя шестерня дрожит при каждом обороте.

«Перекос».

«Зуб сработался», — возразил Берин.

Торви оглянулся:

— Что уставился? Забыл свою работу?

Берин подошёл к механизму. Алексей видел ошибку, но

не знал ни креплений, ни инструмента. Берин знал. Они некоторое время беззвучно спорили, пока Торви не стукнул пальцем по кожуху.

— Не трогай работающую передачу. Вторую смену покалечить решил?

Колесо остановили. Берин ослабил клин, Алексей предложил повернуть втулку на четверть оборота. Торви потребовал объяснить. Объяснение вышло длинным: нужное слово существовало в русском языке и в памяти гнома, но между двумя знаниями пролегла щель.

В конце концов старик сам поднёс лампу и увидел, что опора просела.

— Верно, — сказал он. — Зуб тоже сработался. Завтра сменим оба.

Никакого чуда не произошло. Они полчаса выравнивали опору, испачкали одежду и добились того, что колесо перестало ударять по зубьям. Алексей вдруг ощутил такое облегчение, будто нашёл в чужой комнате собственный рабочий стол.

— Голова ещё помнит, — заметил Торви. — Значит, выправишься.

Пока рабочие убирали клинья, к ним подошёл молодой гном с узкой заплетённой бородой. Он нёс корзину деревянных зубьев и сначала поставил её рядом с Алексеем, потом вдруг поднял обратно.

— Тебе нельзя, — пояснил он. — Вигдис сказала.

Берин узнал его: Лони, самый младший в смене. Обычно ученик старался показать, сколько может унести. Сейчас ему впервые нравилось распоряжаться старшим.

— Корзине можно постоять, — сказал Алексей.

Лони поставил её и начал рассказывать о вчерашней работе. Он говорил быстро, и перевод распадался на отдельных словах. Алексей потерял значение инструмента, которым снимали мерку с гнезда, и ошибочно представил клещи. Берин поправил изображение. Получился деревянный брусок с движущейся планкой.

«Ты можешь просто дать мне слово?»

«У тебя нет такого слова».

Лони уже спрашивал, скоро ли Берин вернётся на полную смену. Ответа он ждал не из вежливости: без мастера его ставили к разным людям, а каждый заставлял складывать инструменты по-своему.

— Когда смогу удержать твою корзину, — ответил Алексей.

— Тогда я лёгкую принесу.

Торви велел ученику собрать у остановленной передачи старые зубья и разложить по порядку. Лони вытянулся, ушёл, а через минуту вернулся спросить, с какой стороны начинать. Старик указал на метку. Алексей заметил, что на каждом зубе было вырезано небольшое число.

— Почему нельзя поменять местами?

— Потому что мы их подгоняли к этому колесу, — сказал

Торви. — Хотел бы одинаковые, пришлось бы сначала изготовить одинаковые гнёзда. Ты это знаешь.

Алексей знал. Но в его мастерской одинаковые детали приезжали в коробках, и ошибка состояла в том, чтобы заказать не ту. Здесь ошибка могла занимать неделю ручной работы.

Они вернулись к опоре. Вода ещё не шла. Торви заставил сначала положить рядом инструмент, потом назвать, что будут делать, потом спросил, как остановят колесо, если новый клин выйдет. Берин отвечал уверенно. Алексей запоминал вопросы.

Когда вода вернулась на лопасти, все отошли на шаг. Лони положил ладонь на край каменной тумбы и прислушался. Дрожь стала ровнее.

— Похоже, держит, — сказал он.

— Сейчас, — уточнил Торви. — Проверишь после еды.

Ученик хотел возразить, что сразу увидит поломку. Старик не повысил голоса.

— Ты увидишь, когда она начнётся. Мы работаем, чтобы не начиналась.

Алексей вспомнил зелёный налёт под ковриком фургона. По ту сторону мира женщина уже развозила хлеб, не зная, что неизвестный ей мастер теперь смотрит на деревянную передачу. Его прежняя жизнь продолжалась в вещах, которых он больше не мог коснуться.

Возле выхода Лони сунул Берину что-то в ладонь. Тонкий

металлический щуп, погнутый на конце.

— Нашёл в вынесенной корзине. Не выправлял. Ты говорил, чужие инструменты без спроса не править.

Берин сжал ладонь. Алексей впервые ясно почувствовал благодарность за то, что вещь вернули именно ему, хозяину, ничего не изменив.

Старик отвёл его в пустую мастерскую. На верстаке лежала часть сломанной стойки. На дереве чернел след огня, но край излома был светлым.

— Эту вынесли из западного отвода. Я хотел показать тебе раньше, да не мог решить, чего в твоей голове осталось больше: мыслей или ссадин.

Берин коснулся дерева. Возникло короткое воспоминание: тесный проход, капающая с потолка вода, рука на лестнице. Потом хлопок — слишком резкий для сломанной стойки. И темнота.

— Её подпилили, — сказал Алексей.

Торви медленно кивнул.

— Заметил. Вигдис тоже. Пока держим язык за зубами. Работы принимал Орен из Тальма. Его люди привозили новые крепи. Кто-то поставил эту обратно после осмотра.

На нижней части стойки стоял торговый знак: три выжженные черты внутри круга.

— Зачем кому-то обрушивать водовод? — спросил Алексей.

— Хороший вопрос. Особенно сейчас.

— Что сейчас?

Торви поднял на него взгляд.

— Союз Нижних Гаваней прислал наёмные отряды. Радан собирает ополчение. Дарен велел осмотреть всё, что понадобится при осаде. Ты действительно это забыл?

Алексей ощутил, как внутри него что-то провалилось.

Дарен. Радан. Тальм.

Он знал эти имена. Не из сна. Из книги, которая сейчас лежала в больничном пакете.

— Где мы? — спросил он.

Торви долго не отвечал.

— В Своде, под Каменным Кряжем. Даже дом забыл?

* * *

Вечером Алексей и Берин заключили соглашение.

Оно не было торжественным. Они сидели у погасшей печи, и Вигдис за стеной штопала братову рубашку.

Алексей обещал не брать тело силой. Берин обещал помогать ему слышать и говорить. О чужом сознании решили сказать Торви, когда сумеют доказать хоть что-нибудь. Вигдис пока не скажут: Алексей представлял, что испытала бы Марина, если бы человек в его теле представился посторонним.

«А если я усну?» — спросил Берин.

«Постараюсь не двигаться без нужды».

«Без нужды — это когда не горит и не падает?»

«Примерно».

«Ладно».

У соглашения сразу обнаружились трудные места. Алексей мог обещать не двигаться, но не умел перестать думать. Берин мог закрыть воспоминание, но иногда знакомый запах открывал его раньше, чем он успевал решить.

Они попробовали установить границы на простом. Берин представил полку с каменным зверем. Алексей сразу увидел отколотую лапу. Потом гном попробовал вспомнить что-то другое и предупредил, чтобы гость не смотрел.

Алексей смотрел на печь. Через несколько секунд в сознании появилось лицо Вигдис, совсем молодой, с распущенными косами. Он усилием вернулся к тёмным углям.

«Не вышло», — сказал Берин.

«Я не хотел».

«Знаю. Просто говорю».

Это «знаю» давалось ему тяжело. Алексей понимал: проверить чужое намерение почти невозможно. Приходится верить человеку, который уже оказался в самом закрытом месте твоей жизни.

Они решили предупреждать друг друга, когда приходило слишком личное воспоминание. Не требовать объяснений. Берин назвал несколько слов, которыми у гномов обозначали то, чего не говорили посторонним. Перевод не нашёл для них точного русского соответствия. Алексей согласился не переспрашивать и об этом.

Потом гном попросил показать дом.

Не весь мир. Только место, где жил тот, кто сидел рядом с ним внутри головы. Алексей начал с кухни: маленького стола, чайника, скола на краю подоконника. Берин недоверчиво спросил, зачем столько книг возле еды.

«В других местах уже занято».

«Значит, мало полок».

«Значит, много книг».

Они оба на мгновение увидели одну и ту же комнату и поразному её оценили. Теперь это показалось полезным: если мысли не совпадали, значит, каждый ещё оставался собой.

Потом Алексей попросил дату.

Шёл шестой день Оттепели, четыреста восемьдесят второй год после Разлива — наводнения, давшего начало союзу речных городов.

Для Берина это была обычная дата.

Алексей помнил: этой весной пропали два распорядителя переправ. Одного звали Дарен.

В романе о странствиях Энны были их имена. Мастера по имени Берин там не было.

Это не означало, что мастеру суждено выжить.

Глава 4 Место, которого нет на карте

За разрешением работать Торви отправил Берина к начальнику водоводов. За разрешением не умереть Алексей решил обратиться выше.

Они спорили всю дорогу.

«Если ты начнёшь объяснять про книги, тебя вернут к лекарю», — предупредил Берин.

«Если я промолчу, потом уже ничего не исправить».

«Ты уверен в своих книгах?»

Алексей не ответил сразу. В романе говорилось: после восемнадцатого дня Дарен и Радан не вернулись с Каменного моста. Потом, двадцать шестого, нижние пристани перестали выдавать войску зерно. Но счётчица Энна находилась далеко от Свода и записывала чужие рассказы. Погибли ли распорядители? В какой день? Подростком он принял отсутствие следующей встречи за окончательный ответ. Теперь ответ требовался живому человеку.

Он читал эти страницы после полуночи, думая о протекавшем кране. Из всей дорожной ведомости запомнил два имени и уверенность, которой, возможно, не было у самого рассказчика.

Возле зала совета толпились люди, которых Алексей

прежде не заметил бы в книге. Два гнома ждали решения о телеге с углём. Писарь придерживал под мышкой доску, исписанную короткими строчками. Женщина в плотном сером плаще принесла образцы ремней: говорила, что новая партия сырья не выдержит прежнего заказа.

Никто не обсуждал судьбу мира. Каждый хотел вовремя решить собственное дело. Уголь требовался печам, ремни — носильщикам, свободные повозки — тем, кто стоял у наружных ворот. Алексей вдруг заметил, как много будущего складывалось из этих ожиданий.

Берин поздоровался с женщиной и спросил, получила ли она железные пряжки. Та ответила, что половину, и внимательно посмотрела на его лицо.

— Я тебя издали не узнала. Ты иначе держишь голову.

— Болит, — сказал он.

— Тогда не спорь здесь долго. Они всех переждут.

Она кивнула на закрытую дверь. Алексей почти улыбнулся. В его городе возле любой конторы сказали бы похожее, только дверь была бы легче и возле неё висело бы расписание.

Писарь спросил имя. Алексей едва не назвал своё. Берин успел толкнуть его мыслью.

— Берин, сын Хальди. Западный отвод.

— Рабочая просьба?

— Предупреждение.

Писарь остановил перо. Какой-то порядок немедленно из-

менился. Одно слово оказалось тяжелее, чем Алексей ожидал.

«Теперь осторожно», — попросил Берин.

Гость уже видел всё слишком ясно: дверь, Дарена за ней, известную ему беду. Хотелось произнести правильную фразу, после которой люди изменят путь. Он любил такие места в историях. Здесь же предстояло объяснить, почему начальник переправ должен верить раненому мастеру, который путается даже в собственных воспоминаниях.

Здесь доверие требовалось заработать, и он не знал чем.

К Дарену их не пустили. У двери в зал совета стоял гном с белым шрамом поперёк губы. Он терпеливо выслушал рассказ о водоводе, менее терпеливо — требование личной встречи и совершенно перестал улыбаться, когда Алексей сказал, что знает о грядущей смерти старшего распорядителя.

— Мастер, — произнёс он, — ты сейчас выбираешь очень опасные слова.

— Поэтому и прошу позволить мне договорить.

— Ты уже договорил.

Дверь открылась. Вышел гном в тёмной кольчуге, высокий по здешним меркам, с прямой чёрной бородой. Стражник отступил.

— Что за шум?

«Керн, начальник городской стражи, — подсказал Берин. — Его выбирали мастерские. Дарен ему не приказывает, они

оба отвечают перед советом».

Алексей поклонился. У него вышло слишком глубоко; затылок отозвался болью.

— Говори, — сказал Керн. — Если это касается дела.

Алексей рассказал о подпиленной стойке. О том, что обвал случился на линии, ведущей к нижним запасным цистернам. О войсках с востока. Последнее Керн знал гораздо лучше него.

— А откуда тебе известно, что Дарен погибнет?

Теперь отступать было поздно.

— Я читал... видел рассказ об этом. Не здесь. Не могу доказать. Он и Радан не вернутся с Каменного моста. Если изменить их путь...

— По какому мосту? — Керн посмотрел на его руку. — Старому или новому? Старый разобрали осенью. На новом Дарен каждый день принимает повозки. Запретить работать всем, чьи имена тебе вспомнились?

— Я не угрожаю.

— Знаю. Если бы думал иначе, ты говорил бы сейчас в другом помещении.

Он позвал писаря и велел записать имя Берина, название отвода и торговый знак на стойке.

— Ваше повреждение проверят. На смену поставят охрану. Пророчество можешь оставить при себе. Мне нужны сведения, по которым можно действовать.

Это было разумно. Алексей почувствовал злость именно

потому, что понимал: будь он на месте Керна, ответил бы так же.

На обратном пути Берин попросил не торопиться.

«Он тебя слышал».

«Он не поверил».

«Ты сам говорил, что не знаешь точного дня. Почему он должен верить больше тебя?»

Возразить снова оказалось нечем.

В коридоре им пришлось остановиться у оконной щели. Алексей опёрся о камень. Снаружи виднелся узкий участок неба. В нём двигалось облако, белое и совершенно бесполезное для ответа.

«Ты знаешь, где сейчас остальные?» — спросил Берин.

«Какие остальные?»

«Те, кто победит».

Алексей перебирал даты. Энна должна была добраться до нижних пристаней, предъявить долговые книги, убедить перевозчиков остановить выдачу зерна. Но между событиями мешались рисунки двух изданий и его собственные догадки. Он не мог вспомнить, сколько людей ей отказало и кто согласился первым. Знал результат спора, а не способ его выиграть.

«Я не смог бы до них добраться», — признался он.

«Я спросил не поэтому».

Берин смотрел на облако вместе с ним.

«Если они не успеют, ты бы что сделал?»

Алексей хотел ответить, что успеют. Ответ не появился. До аварии он знал, что вечером будет есть борщ у сестры. В этой уверенности не было даже выдуманного пророчества, только несколько часов знакомой дороги.

«Не знаю».

«Тогда хорошо, что мы умеем чинить воду».

Гном сказал это без насмешки. Не противопоставлял большие дела маленьким; просто возвращал им то, что оставалось в руках.

Ниже по лестнице стояла Вигдис. Она поднялась, когда увидела брата, и протянула ему свёрток с едой.

— Торви рассказал, куда ты пошёл. Я хотела прийти раньше.

— Чтобы удержать?

— Чтобы стоять рядом, когда начнёшь говорить глупости.

Она дождалась, пока он откусит хлеб, и спросила, что ответил Керн. Берин повторил приказ об охране. О предсказании Алексей промолчал, но сестра услышала незаконченный рассказ.

— Что ещё?

— Сказал, что я не могу этого доказать.

— Может, не можешь, — согласилась она. — Но он хотя бы запомнил тебя. Теперь не забудь, что пообещал по работе.

Они спустились вместе. Алексей не пытался заглянуть в личные воспоминания Берина. Достаточно было знать, что сестра пришла искать его и принесла хлеб вместо упрёка,

хотя упрёк у неё тоже был готов.

* * *

В мастерской Торви развернул карту.

Рабочая карта не походила на рисунок из романа. Там Каменный Кряж выглядел одной тёмной полосой. Здесь на склонах теснились террасы, водосборные чаши, выходы старых выработок. Свод занимал несколько соединённых каменных полостей; Горой жители называли весь этот дом. Между галереями оставались участки открытого неба, которых Алексей прежде не представлял.

Торви водил пальцем по линиям.

Вода из северного ущелья шла через наружный приёмник. Часть вращала колёса, часть поступала в верхние хранилища. Нижние цистерны наполнялись отдельным ответвлением. Они могли обеспечить водой несколько сотен человек, даже если наружный поток перережут. Три отводных колодца позволяли сбросить лишнюю воду в старые выработки. Главный сброс удерживала тяжёлая железная заслонка; открыть её можно было только из внутренней управляющей галереи.

— Хальди строил эту часть после обвала восточного склона, — сказал Торви. — В старых чертежах она проходит как сухая выработка. А сухой она была только до того, как мы поставили плотину.

Берин ощутил при имени отца короткую боль.

Алексей заметил её и не полез дальше.

— Кто знает новые линии? — спросил он.

— Те, кто обслуживает. Я, ты, Вигдис. Ещё носильщики, каменщики. Рабочие Орена таскали крепь. Весь Тальм знает, что у нас есть вода. Точный путь им знать незачем.

Алексей поставил кружку на свободный край карты.

— Если наружный приёмник повредят, а нижнюю цистерну вскроют, сколько останется?

— Зависит от числа людей.

— Если к нам придёт половина Тальма?

Торви перестал разглаживать пергамент.

Потом попросил убрать кружку.

— Ты слишком близко ставишь воду к чертежу.

Он говорил о кружке, но Алексей слышал и другое.

В романе Свод умещался в двух страницах: сюда бежали из города и отсюда вернулись к переговорам. Между строчками предстояло разместиться больным детям, разбитым вёдрам и людям, открывавшим заслонки в темноте.

Этого места не было на читательской карте.

Торви убрал карту и предложил проверить запасной слив сейчас. Вигдис взяла ключи. Алексей хотел продолжить расчёты, но гном уже знал, куда идти, и не позволил задержаться у стола.

На спуске стало холоднее. Стены здесь не отделявали для жилья. На камне белели старые отметки уровня, возле двери висела связка заржавевших крюков. Один из крюков отсутствовал. Торви заметил пустое место и велел Вигдис за-

писать.

— Это что-то меняет? — спросил Алексей.

— Сейчас ничего. При спешке начнут искать. Заранее лучше повесить.

У нижнего колодца встретился Лони. Ученик принёс ведро и гордился тем, что успел раньше мастеров. Ведро оказалось слишком широким для проверочного окна.

— На карте окно большое, — оправдался он.

— На карте ты тоже был бы размером с мою ладонь, — сказала Вигдис.

Она достала узкую мерную кружку. Алексей придерживал лампу, пока Берин по очереди открывал малые заслонки. В первом ходе вода шла свободно. Во втором сначала послышалось сипение, потом вывалился комок мокрой ветоши.

Лони выругался. Чуть дальше застряла деревянная чурка, которой прежняя смена, видимо, временно закрывала отверстие. Никто не убрал её, когда заменили соединение.

Торви заставил ученика принести список работ. В списке закрытие временной линии отметили, открытие — нет. Проверяющий поставил знак за всю смену.

— Вот так можно остаться без воды, даже если никто нас не ненавидит, — сказал старик.

Алексей полез за чуркой. Рука оказалась короткой. В своей жизни он дотянулся бы легко и не подумал о росте. Берин попросил не тянуть плечо, взял крюк и зацепил дерево с другого края. Чурка вышла вместе с мутной струёй. Вода

облила сапоги.

Лони отпрыгнул. Вигдис придерживала лампу. Несколько секунд все стояли, глядя на поток, который следовало ожидать с самого начала.

— На этой стороне узко, — сказал Алексей. — При тревоге здесь соберутся трое и будут мешать.

— Поэтому здесь работает один, — ответил Торви.

— А если он не сможет сказать остальным, что случилось?

Старик посмотрел на лестницу. Из-за угла человека возле окна не было видно. Шум воды заглушал тихий голос.

Вигдис предложила оставить у поворота второго. Лони попросился туда немедленно, словно ему уже назначали важный караул. Торви велел пока отметить место на плане и убрать лишние крюки с прохода. Тревога ещё не началась, но они заранее попробовали пройти участок так, как будто она уже шла.

Алексей удерживал лампу и считал шаги. Берин сам переступал мокрые камни. Два дела наконец перестали мешать друг другу.

В конце проверки старик показал ему зарубки на стене. Их оставляли мастера после тяжёлых ремонтов. Возле самой старой было имя Хальди. Алексей захотел прочесть соседние и не смог: это были другие буквы.

Он не попросил перевести. Берин задержался возле имени отца, коснулся пальцем камня и только потом убрал руку. На этот раз гость подождал столько, сколько потребовалось

хозяину.

Когда вернулись в мастерскую, на карте появилась ещё одна маленькая отметка. Она занимала меньше места, чем Алексеева кружка, но теперь он знал, что в ней помещалось.

Торви выдал им пропуск в наружный приёмник. Утром следовало идти с обозом в Тальм, взять крепления у городского мастера, найти Орена и спросить, кто чинил западный отвод перед обвалом.

— Только спросить, — уточнил старик. — Не клясться его смертью, не хвататься за топор и не рассказывать ему будущее. Сможешь?

— Попробую, — ответил Алексей.

«Сможем», — поправил Берин.

Глава 5 Хлеб для Тальма

Открытое небо оказалось страшнее каменного свода.

Алексей стоял у ворот и шурился. Ветер трепал бороду. Ниже лежал Тальм: крыши, сушильные дворы, мосты через рукава реки. Дальше вода уходила между уступами Кряжа. Свод тянулся под ними несколькими уровнями; отсюда было видно, как дым из одной мастерской пересекает дорогу к другой.

На карте Вереса террасы соединяла ровная лестница. Здесь половину ступеней скрывал снег, а на остальных разъезжались сапоги. Рисунок помог узнать место и ничего не сообщил о том, как по нему идти.

— Ты как будто с зимы солнца не видел, — заметила Вигдис.

Она увязалась с обозом под предлогом проверки братовых заказов. Торви сказал, что это разумно. Берин назвал происходящее присмотром за малолетним. Вигдис, разумеется, слышала только ворчание вслух.

С обозом шёл человек по имени Ивар. Он водил почтовых лошадей между Тальмом и окрестными селениями и носил за пазухой свёрнутый вчетверо детский рисунок. На нём красовалось нечто с четырьмя ногами, огромной бородой и шапкой с тремя кистями.

— Это я, — объяснил он. — Дочь уверена, что главно-

му почтарю не приходится мыть чашки. Поэтому желает мне скорейшего повышения.

— А борода? — спросила Вигдис.

— Помесь с вами. Надёжнее получается.

Внизу обоз встретила женщина с коротко подрезанными волосами. На шее у неё висел мешочек, в руках был список. Она пересчитывала мешки, вслух отмечала испорченные и бранилась с возницей, не повышая голоса.

— Эда, — представил её Ивар. — Лечит людей. Иногда словом. Тогда больше.

Эда подняла глаза на повязку Берина.

— Тебя уже отпустили?

— Под надзором, — ответила Вигдис.

— Надзор пусть следит, чтобы он не таскал мешки.

У её локтя стоял мальчик лет одиннадцати. Он внимательно смотрел на говорящих, а затем быстро пошевелил руками. Эда ответила несколькими короткими движениями.

— Йор, — сказала она Алексею. — Не слышит. Если хочешь обратиться, сперва коснись плеча.

Мальчик положил ладонь на грудь, кивнул и протянул Алексею маленький кусок хлеба.

Тот принял угощение.

«Спасибо», — подумал он по-русски и невольно улыбнулся так, как улыбался детям в мастерской, которым Павел разрешал крутить старую ручку подъёмника.

Йор показал два пальца, потом один, указал на пустую те-

лежку.

— Спрашивает, правда ли гном может поднять трёх людей, — перевела Эда.

— Смотря каких.

Йор осмотрел его с явным разочарованием.

Прежде чем идти в лавку, им пришлось помочь разгрузить обоз. Вигдис получила от Торви отдельное поручение: проверить тележку для водяных бочек. Алексей держался в стороне, пока мастер осматривала ось, и обнаружил, что это занятие тоже требовало усилия. Ему постоянно хотелось подсказать то, что здесь знали без него.

Двор был окружён каменными домами с деревянными навесами. Над одними дверями висела железная подкова, над другими — вырезанный хлеб. Вывески оказались неожиданно понятными. Хуже было с разговорами: человеческая речь отличалась от гномьей, и Берин иногда переводил только общий смысл, не успевая за отдельными словами.

Ивар заметил, что гном молчит.

— Слишком много людей?

Алексей кивнул. Это объяснение пока годилось для всего.

Почтарь не начал рассказывать о городе. Просто остался рядом. От него пахло мокрой шерстью и лошадьё. На поясной сумке одна заплата была светлее остальных.

— Вигдис говорит, ты мало что помнишь, — сказал он.

— Я могу показать, где кто. Только не делай вид, что понял, если не понял. С моими письмами так уже было. Перепутали

имена, три дня искали кузнеца среди пастухов.

Он повёл Алексея вдоль навесов. Здесь меняли мелкую монету, там выдавали мешки по списку, у той двери можно было попросить сухую верёвку, но не стоило принимать первую предложенную. Ивар говорил о людях так, будто отмечал безопасные места на дороге.

Возле хлебной лавки сидела девочка с тряпичной куклой. Она шила кукле новый воротник, держа ткань слишком близко к глазам. Ивар поднял руку. Девочка тут же вскочила и побежала к нему.

— Ты приехал раньше!

Он подхватил её здоровой рукой. Алексей услышал имя: Сигне. На вид ей было семь или восемь. Она посмотрела на гномью бороду без всякого почтения.

— Это который умеет делать воду?

— Воду никто не делает, — сказал Ивар. — Он чинит, чтобы она приходила.

Девочка несколько секунд обдумывала разницу, потом спросила, можно ли починить дождь, чтобы он приходил ночью, когда бельё уже снято. Берин собирался ответить серьёзно. Алексей успел предложить оставить вопрос дождю.

— Если услышит, передам, — сказал он.

Сигне удовлетворилась обещанием. Ивар поставил её на землю и поправил на плече перевязь куклы.

— Не знаю, откуда берут эти вопросы, — заметил он, когда ребёнок вернулся к лавке.

— Из того, что им мешает.

— Тогда у взрослых вопросов должно быть больше.

Возле весов возник спор. Человек в дорожной одежде требовал выдать ему муку без полной записи имени. Хозяин веса не соглашался: груз был городским, а после каждой выдачи оставалось всё меньше времени исправить ошибку.

Алексей остановился. В споре мелькнуло знакомое раздражение: тот, кто бежал от беды, считал форму пустой придиркой; тот, кто держал список, боялся отвечать за чужую поспешность. Ивар вмешался и назвал человека. Он недавно привёз его семье письмо. Имя записали, мешок выдали, обе стороны разошлись недовольными.

— Всегда так? — спросил Алексей.

— Нет. Обычно спорят о весе.

Берин заметил, что мешок изнутри подшили свежей тканью. Его хозяин собирался везти муку далеко. Значит, люди уходили не только из деревень.

Возле тележки Йор располагал груз. Он показывал носильщикам знаки, но один из них отворачивался раньше, чем мальчик успевал закончить. Потом требовал повторить. Эда заняла его место: посмотрела на Йора, дождалась ответа и подала нужную доску.

Алексей подошёл с другого края. Мальчик положил ладонь на перекошенную бочку и указал вниз. Здесь требовалось подложить клин. Алексей нашёл короткий обрезок и попытался подсунуть под обод. Вигдис отняла его у ранено-

го брата.

— Сказали же, не таскать.

Йор рассмеялся без звука. Берин почувствовал досаду, Алексей — облегчение от того, что мальчик не считал их важными взрослыми, которым нельзя возразить.

Эда показала несколько простых жестов: ждать, идти, больно, вода. Алексей повторил два неправильно. Йор терпеливо исправил положение пальцев, словно принимал ученика, от которого не следовало ожидать слишком многого сразу.

— Это вы сами придумали? — спросил гость.

— По-разному, — ответила Эда. — Главное, чтобы одинаково понимали. Его мать знала больше меня. Я часть до сих пор путаю.

Алексей хотел спросить о матери, но мальчик в этот момент посмотрел на него. Он вспомнил своё обещание Берину не заходить в чужое прошлое без приглашения и вернулся к жесту «ждать».

Йор посмотрел внимательно, кивнул и обозначил «хорошо». Теперь у них появилось слово, для которого Берин не требовался.

Орена нашли в лавке у торгового двора. Худой человек с аккуратной бородкой считал медные монеты. Когда увидел Берина, несколько монет выскользнули у него из рук.

— Слава... Хорошо, что вы поправились.

— Кто ставил крепь? — спросила Вигдис.

Орен назвал двух рабочих. Один ушёл с обозом на восток, второй лежал с горячкой. Он предлагал принести записи, вернуть деньги, дать новые стойки бесплатно. При этом не смотрел на перевязанную руку.

Алексей слышал, как Берин тихо думает: «Врёт».

— Мы придём завтра, — сказал Алексей. — Подготовьте записи.

Вигдис удивилась, но не возразила.

Когда они вышли, Ивар спросил, всё ли улажено.

— Ещё нет.

Выйдя из лавки, они остановились под навесом. Вигдис развернула маленькую дощечку с рабочими метками. На одной строке оставалось пустое место. Орен так и не назвал того, кто принимал крепь после установки.

— Завтра он придумает имя, — сказала она.

— Пусть сначала покажет запись, — ответил Алексей.

Берин не соглашался. Он вспоминал мокрый проход, тяжёлый толчок в плечо, падение лампы. На этих ощущениях нельзя было построить дознание, но нельзя было и сделать вид, что их нет.

Ивар посмотрел на гнома.

— Ты ему раньше доверял?

— Работе, — ответил Берин раньше гостя.

Почтарь понял разницу. Ничего больше не спрашивал.

С восточной стороны двора принесли новость о закрытой дороге. Кто-то сказал, что обоз задержали в низине. Кто-то

— что его уже разграбили. Люди спрашивали одновременно, и ответы становились увереннее по мере того, как теряли источник.

Эда собрала мешочки, попросила мальчика держаться ближе к тележке и велела двум носильщикам убрать пустые ящики от входа. Алексей заметил, что она не стала спорить о слухе. Готовилась к тому, что можно было сделать при любом из двух ответов.

Ивар снял с пояса длинный нож и переложил под полу плаща.

— Мне домой нужно, — сказал он. — Но сперва помогу здесь закончить.

Алексей подумал, что задержка займёт несколько минут. Вся жизнь до сих пор состояла из таких небольших решений: сначала закончить, потом уйти.

Снаружи грохнул опрокинутый воз.

Дальше события пошли быстро.

Из узкого переуллка выскочила лошадь с пустым седлом. За ней бежал человек в чужом шлеме. На восточном краю двора раздались крики. Не армия — несколько всадников, проскочивших через открытые торговые ворота. Они били по людям, перерезали построумки, хватали мешки. Один бросил горящий свёрток под навес.

Эда схватила Йора за плечо и толкнула за тележку. Второй ребёнок остался возле воза, придавленного упавшей оглоблей.

Алексей шагнул к нему.

На пути оказался всадник. Тот опустил копьё.

Алексей хотел отскочить. Берин, наоборот, бросился вперёд.

Их движения столкнулись, и копьё вскользь ударило в плечо. Гном упал на колено. Внутри головы раздался резкий приказ:

«Отдай!»

Алексей отступил.

Берин подхватил упавшую оглоблю, ударил ею по передним ногам лошади и откатился за колесо. Всадник вылетел из седла. Из-за обоза бросился Ивар и прижал его к земле.

Другой нападавший уже был рядом. Короткий меч шёл сверху вниз. Берин перехватил кисть; Алексей почувствовал, как под пальцами треснула кость. Но человек ударил лбом и вырвался.

Нож лежал у ног. Чей — Алексей не знал.

Рука Берины взяла нож.

Всё закончилось на расстоянии вытянутой ладони. Враг осел на гнома, пахнувший кожей и кислым потом. Его дыхание один раз коснулось щеки — и прекратилось.

Алексей не сразу понял, почему стало тихо.

В книгах после такого обычно переходили к следующему противнику. Здесь требовалось сначала убрать чужое тело со своего, потом отмыть ладонь и решить, куда смотреть, если глаза убитого ещё открыты.

Ивар оттащил его к тележке. Вигдис привела ребёнка из-под воза. Эда тушила навес вместе с хозяином двора. Оставшиеся налётчики развернули лошадей и исчезли через ворота.

Одного взяли живым.

Йор подошёл к Алексею, дотронулся до плеча и вложил ему в руку оставшийся хлеб.

— Говорит, ты забыл доесть, — объяснила Эда.

Алексей хотел улыбнуться. Не смог.

Потом всё-таки откусил. Хлеб был сухим и пах тмином.

Глава 6 Пленная карта

Пленного звали Тарек.

Ему оказалось девятнадцать. Когда сняли шлем, выяснилось, что борода, делавшая его взрослым на расстоянии, росла отдельными неровными островками. Он сидел в холодном помещении городской стражи, поддерживал повреждённую руку и молчал.

Эда перевязала его, хотя начальник караула заметил, что это лишняя работа.

— Ранена только одна рука, — ответила она. — Работы немного.

Пленный понимал общую речь плохо. Берин — достаточно, чтобы объяснить ему простые вещи. Алексей слушал, и временами смысл ускользал: знание хозяина тела не превращалось автоматически в его собственное.

У Тарека нашли свёрток с рисунками. В основном — дороги, дворы и подписи, которые не смог прочитать никто из присутствующих. На одной странице была Гора. На другой — поперечный разрез с несколькими длинными линиями.

Вигдис развернула страницу и сразу перестала шутить.

— Это нижний отвод.

Рисунок был приблизительным. Но три колодца, главный сброс и помещение управляющего колеса стояли на своих местах.

— Откуда? — спросил Берин.

Тарек смотрел на нож у пояса начальника караула.

— Если ты молчишь, — сказал Алексей, — рисунок всё равно останется. Просто мы потеряем время.

— Вы убьёте меня после слов.

Начальник караула не стал возражать.

Алексей поднял голову.

— Дайте ему обещание.

— Ты распоряжаешься тут недавно, мастер.

— Я хочу узнать, как нас собираются лишить воды. Если вы тоже хотите, придётся оставить его живым.

Эда положила на стол пустую чашку. Звук вышел неожиданно громким.

— Я засвидетельствую договор, — сказала она. — Он даёт сведения. Вы сохраняете ему жизнь, пока он не нападает и не пытается бежать.

Спор занял несколько минут. Тарек слушал, переводя глаза с одного лица на другое. В конце концов начальник караула выговорил обещание.

Пленный начал говорить.

Его отряд послали взять зерно и проверить городские ворота. Командовал Хазраг — осадный подрядчик Союза Нижних Гаваней. Союз требовал права назначать плату за верхние переправы; города отказали. Теперь солдатам обещали жалованье из будущих сборов. Хазраг получал долю за каждый захваченный водосброс. У него были землекопы, плот-

ники и разведчики; он умел превращать чужую жажду в условие договора.

— Он не любит стены, — объяснил Тарек. — Говорит: стена не ест. Люди едят.

Пленный замолчал, когда в дверь принесли еду. На тарелке лежали хлеб и тёмный кусок мяса. Тарек посмотрел сначала на начальника караула, потом на Эду.

— Бери, — сказала она.

Он взял хлеб левой рукой. Правой уже не пытался двигать. Отломил крошечный кусок, некоторое время жевал и наконец спросил, дадут ли воды.

Начальник караула велел подать кружку. Тарек не прикоснулся к ней сразу. Алексей увидел, как он следит за каждым шагом человека, принёсшего воду, и догадался о причине задержки.

— Здесь её пьют из того же кувшина, — сказал он.

Пленный выпил. Кружка задрожала возле рта.

У него оказалось много мелких вопросов, которых никто не ждал от воина. Где находится его нож? Забрали ли маленький мешочек с шеи? Разрешат ли укрыть ноги? Караульный отвечал коротко и с возрастающим раздражением, пока Эда не спросила о мешочке сама.

Тарек показал на горло. Там остался тонкий светлый след от шнура.

— Земля, — сказал он.

— Какая земля?

— Дома. Отец дал.

Алексей попробовал представить, что привёз бы с собой из Нижнего Новгорода, если бы шёл так далеко и мог взять только маленькую вещь. Ключ от квартиры внезапно оказался таким же странным предметом, как горсть земли на чужой шее.

Караульный достал мешочек из ящичка с изъятым. Проверил шнур, развязал край. Внутри действительно были сухие тёмные крупы. Он высыпал одну на ладонь и растёр.

— Вот и всё?

Тарек кивнул.

Мешочек положили на край стола, пока не возвращая. Пленный смотрел на него во время следующих вопросов. Чтобы добиться ответа, не требовалось оружия: достаточно было, что вещь оставалась недоступной.

— У него дома кто-нибудь ждёт? — спросил Алексей.

Начальник караула посмотрел на него тяжело.

— У тех, кого они рубили во дворе, тоже.

— Я знаю.

— Тогда не меняй разговор.

Алексей почувствовал, что Берин согласен с караульным. Он не разглядел в первой схватке всех лиц. Одно лицо сейчас говорило и потому казалось отдельным от остальных. Это могло быть и полезно, и опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.